

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА СЕГОДНЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ?

Автор: В. А. ЯДОВ

ЯДОВ Владимир Александрович - доктор философских наук, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН.

В течение десятка лет, особенно в последние годы, в нашем профессиональном сообществе обсуждается проблема востребованности или невостребованности национальной социологии. Первым (1997 г.) в академическом стиле эту проблему поставил А. Филиппов, который утверждал, что "теоретическая деятельность у нас в социологии есть, а теоретической социологии нет" [1]. Потому, справедливо говорил автор, в социологическом сообществе (и шире - среди интеллектуалов) не наблюдается концептуальной рефлексии о самом обществе. И на тот период сказанное было вполне справедливо. Думаю, что главная причина отсутствия теоретического дискурса - отсутствие сколь-нибудь надежной фактуальной основы для теоретизирования. Сегодня эмпирических данных о социальных процессах в России предостаточно. И теоретический дискурс в среде социологов - факт. Он характеризуется спорами и разногласиями относительно того, какая из классических или современных "гранд-теорий" может быть лучше адаптирована к современным российским реалиям.

Но в последние пару лет звучат призывы к разработке русской национальной социологии [2]. Думаю, настал момент серьезно обсудить вопрос, начиная с уточнения существа проблемы: что понимать под национальной социологией, русской, - в частности?

Неоспоримо существование национальных школ, особенно в период становления нашей дисциплины. Когда мы говорим об английской, французской, американской и т.д. социологиях, мы более или менее понимаем, о чем идет речь. Имеется в виду, что становление социологии в разных странах происходило в различных социально-экономических, политических и культурных условиях. Отсюда различия в "ядре научной программы", по Лакатосу. Американская социология (Парсонс - исключение, он более европейски ориентирован) и особенно Чикагская школа с самого ее основания была прагматически настроена на решение конкретных американских проблем. Английскую социологию до сего времени отличает доминирующая склонность к социантропологии (социологи Британской империи 19-го века были призваны понять, что происходит в азиатских и африканских обществах). Германская традиция складывалась под влиянием соперничества с "государственной наукой" (Staatswissenschaft), каковой была наряду с историей экономическая наука.

Как свидетельствуют знатоки истории отечественной социологии И. Голосенко, З. Голенкова и др., русская социология при ее становлении в конце XIX и начале XX в. испытывала влияние различных западноевропейских школ: контовского позитивизма (П. Лавров, М. Ковалевский, Н. Михайловский и др.) и антипозитивизма в духе кантианства, марксизма, притом в отчаянном полемическом противоборстве представителей разных направлений. Сборник "Вехи" - наиболее яркое тому подтверждение. Собственно русской в конце XIX столетия в Европе называли субъективную школу Лаврова, Михайловского и Кареева, особенность которой состояла в обосновании исторической закономерности становления справедливого общества.

Козн-Хютер образно сказал, что Вебер прежде, чем стать Максом Вебером, был немец [3]. Так же, как Питирим Сорокин или Александр Чаянов. Русский Сорокин вошел в мировую теоретическую социологию не столько как автор циклического развития цивилизаций [4], но как создатель парадигмы социально-культурной системы и автор теории социальной стратификации. Вебер и Чаянов - знаковые фигуры в смысле культурной "связанности" их теоретических построений. У Вебера идеальный тип социального действия реализуется в "экономическом человеке", который постоянно просчитывает соотношение затрат и выгод. Чаянов, напротив, утверждая, что крупные сельхозпредприятия (ориентированные на интенсивное производство) у нас "не пройдут". Он объяснял, что русский крестьянин следует принципу "достатка": он не станет горбатиться больше того, что полагает достаточным для "нормальной" жизни, лучше посидит с друзьями за бутылкой и помечтает. Стоит ли обращаться к социологической литературе (например, работам группы Т. Шанина о "Великом немом" - русском крестьянине), когда у нас перед глазами великолепные образы Василия Шукшина, а на книжной полке - рассказы и повести Вячеслава Пьецуха?

Представляется заслуживающей внимания периодизация этапов развития мировой социологии, предложенная на XIII Всемирном социологическом конгрессе в Билефельде Мартином Элброу [5]. Он называет начальную фазу становления социологии "универсализмом", т.к. О. Конт, Г. Спенсер и другие классики явно стремились создать позитивную социальную науку как объективное знание об обществе по подобию наук естественных - физики и биологии (статика и динамика общественных процессов, социальный организм). Вторая фаза, по мнению Элброу, - как раз и отличается выделением "национальных социологий" - период формирования классических теорий и противоборства теоретических парадигм (по выражению Элброу, "концептуальный империализм"). Третий этап - "интернационализм" знаменуется расколом социологов по окончании Второй мировой войны на два лагеря, как и в политическом противостоянии. Западные социологи на мировых конгрессах с подачи Энтони Гидденса говорили о теории Парсонса как Большой и Единственной. Социологи советского блока утверждали в качестве единственно научной теории - марксизм. После очередного международного конгресса следовало доложить наверх и опубликовать в "СОЦИС", как мы успешно отстаивали нашу советскую позицию.

Период 1970-х Элброу назвал этапом "индигенизации" (отуземливания) классиков в концепциях приспособления к национальным условиям теорий ее создателей. Особенно успешно *индигенизировали* Маркса в советском марксизме-ленинизме-сталинизме, в теории Мао и последующих лидеров КНР, в теории Чучхе Ким Ир Сена, на Кубе в духе Че Гевары вплоть до малопонятного африканского варианта тамошних диктаторов минувшего века. Нынешний период упомянутый автор называет этапом "глобализации" теории в том смысле, что все общества связаны в миросистему и сталкиваются с типично схожими социальными проблемами. С данным утверждением можно поспорить в том смысле, что проблемы в разных странах нередко различны (прав Р. Робертсон, введя в социологический лексикон понятие "глокальность"). Во всяком случае, страны и общества не могут изолироваться от миросистемных воздействий.

Совершенно иной смысл термина мы вкладываем в формулу "такой-то итальянский, немецкий русский ... автор утверждает...". Здесь фиксируется не более чем гражданство исследователя, будь он социолог или математик. Указание гражданства - знак уважения к стране, представитель которой внес вклад в мировую науку, в решение некоторой важной проблемы.

К чему же мы приходим? Национальные школы в социологии - исторический факт. Другой факт в том, что сегодня, говоря, например, о П. Бурдьё, мы не можем сказать, что это французская социология, это лишь школа Бурдьё. В нынешней Франции успешно развивается множество всемирно известных научных школ [6]. То же в ряде других стран. Национальные социологии в конце XIX и начала XX в. исчерпали себя. Да, неповторимые особенности культуры остаются на века, миросистемные про-

цессы не смогут унифицировать человеческую цивилизацию, они лишь унифицируют определенные сектора социального, например, правила мировой экономики, интернет-коммуникации. Главное же в нашей теме состоит в том, что уже имеются и будут создаваться "гранд-теории", приложимые к самым разным культурам и странам.

Приведу забавный пример из своего опыта. Один мой коллега по Исполкому МСА в 1990-е г.г., молодой социолог из Кении Акивово, с которым мы ехали из Кракова в Варшаву, убеждал меня в том, что труды западных теоретиков не помогают понять африканские общества. Я и мои друзья, говорил он, учились в Британии. Мои студенты предприняли контент-анализ протоколов заседаний парламента, чтобы разобраться в позициях депутатов. Полное фиаско! Депутатская речь по стенограмме не оставляет сомнений в том, что такой-то парламентарий поддерживает законопроект, но и он и его фракция голосуют против. Знаете почему? Потому, что в нашей культуре более важна мимика говорящего. По его мимике и жестам коллеги понимали, что он решительно не согласен с проектом закона. Нам нужна своя, кенийская социология, - заключил мой собеседник. Я возразил: надо было использовать не позитивистский подход, но феноменологический. А. Шюц акцентирует внимание на смыслах вербальных и невербальных знаков межличностного общения, в том числе на жестах и мимике (body behavior). Зачем изобретать особый кенийский велосипед?

Вернемся в Россию. Странники создания (воссоздания?) национальной русской социологии подчеркивают такие культурные особенности, как духовность, православные ценности, соборность... Пусть так, хотя данные массовых опросов заставляют сомневаться в широчайшем распространении этих качеств. Они - своего рода стереотип русскости наряду с другими, всем известными и не столь возвышенными. Разве недостаточно общетеоретического багажа для исследования реалий нашего общества?

Например, россияне, в отличие от граждан Германии, без почтения относятся к узаконенным правилам и предпочитают правила неформальные [7]. Неформальные правила в условиях радикальных трансформаций, можно сказать, помогают функционированию практически всех социальных институтов. Если в один несчастный день страна начнет жить только и только по узаконенным правилам, все замрет, как при итальянской забастовке. Я, например, бываю в затруднении, выписываясь из клиники: предложить доктору бутылку коньяка или "конвертик"? Спрашиваю опытных пациентов и получаю полную инструкцию - какого доктора или сестру каким образом здесь принято благодарить. Я, допустим, не войду в аудиторию, где присутствует половина студентов и т.д. и т.п. Нужна ли для осмысления распространенности неформальных правил и практик особая русская социология? Определенно не нужна. Современный неонституционализм (Р. Кроуз, Д. Норт и др.) предлагает считать социальными институтами наряду с официально установленными правилами взаимодействия правила, формально не закрепленные, но общераспространенные в данной культуре [8]. Страны заметно различаются по регулятивным функциям узаконенных и неформальных правил. Наша экономика прогрессирует, как китайская или индийская, хотя по части пиетета перед законами три названных народа далеко не лидируют в миросистеме.

Итак, национальные школы - лишь одна сторона проблемы национальной социологии. Другая и главная - создание общесоциологической теории, которая могла бы быть признана профессиональным сообществом в качестве "гранд-теории". Я не думаю, что такая теория непременно должна быть миросистемной. Миросистема - особое сообщество и потому требует особой теории, каковые уже предложены и, скорее всего, будут корректироваться.

Рассуждаем дальше и примем условно, что ни одна из "гранд-теорий" нам не подходит; все-таки нужна собственная русская социологическая теория. Во-первых, в истории мировой социологии, как заметил в комментарии к наброску этого эссе Б. Докторов, "создание национальной английской, немецкой, французской, тем более - американской социологии никогда не было сознательно программировано. Они возникли как следствие поиска учеными ответов на определенные "национальные" (гражданские) вызовы", т.е. для осмысления проблем своих обществ того времени. За исклю-

чением Маркса и Энгельса, предложивших, сказали бы сегодня, глобальную теорию. Так случилось, что гиганты социологической мысли того времени теоретизировали относительно "модерных", т.е. капиталистических, рыночных обществ, так что ядро их научных программ вполне эвристично и сегодня.

В-вторых, "национальная" теория (в нашем случае объявленная русской социологией) должна быть принята таковой в мировом профессиональном сообществе. В противном случае ее ждет судьба непризнанного авторского изобретения. Не называя имен, замечу, что иногда я получаю почтой сочинения изобретателей новых теорий с просьбой рекомендовать в печать монографию или учебное пособие [9]. Общая особенность творцов новых теорий - полное игнорирование мировой литературы по предмету. П. Штомпка, классифицируя социологические теории, выделяет в их ряду экзегетические. Такого рода теории концентрируют внимание на анализе, толковании, систематизации, реконструкции, критике существующих теорий. Экзегетическую стадию прошли Т. Парсонс ("Структура социального действия"), Э. Гидденс ("Капитализм и современная социальная теория"), Н. Смелзер ("Объяснение и современная социальная теория") и другие теоретики. Претендентов на новейшую русскую социологию не отличает фундаментальное владение знанием о состоянии теоретической социологии на момент предложения собственного толкования социальной реальности. Не сопоставляя с названными именами Великих, А. Здравомыслов замечает, что ряд современных российских авторов серьезно заняты проблемой "переопределения доминирующих в мировой литературе теоретических направлений в социологии с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях... Базовая предпосылка обозначенной тенденции состоит в понимании самой России как части современного мира, части, которая не может существовать и развиваться вне контекста целого" [10].

Из заявивших претензию на создание русской социологии такие аналитики не известны в отечественном профессиональном сообществе. Тогда как объяснить подобный замысел? Наивностью? Вряд ли. Безмерным самоуважением? Возможно. Но, как видно из публичных деклараций сторонников этого проекта, их пафос диктуется стремлением совместить две несовместные позиции - ученого и идеолога [11]. В любом словаре мы найдем, что идеология суть артикуляция социального интереса, а наука суть стремление к познанию. Можно предположить, что научная компонента здесь просто отсутствует, т.к. экзегетических составляющих не наблюдается.

Общий вывод получается таким: если бы Россия выдвинула своего крупного макротеоретика, признанного, как признают мирового чемпиона в спорте, это было бы огромным национальным достижением. Если же в нашей печати появится еще один автор, изобретатель собственной (русской) теории, не замеченный кем-либо, кроме "своих", важным событием в социологии это вряд ли станет, но в идеологическом пространстве может оказаться оцененным.

Поэтому на вопрос: для чего (и кому) нужна сегодня национальная русская социология, ответ вполне очевиден. Она нужна идеологам российской исключительности. Научному сообществу социологов доморощенная теория, будь она предложена, вряд ли принесет прибыль серьезного знания об отечественных реалиях.

ПРИМЕЧАНИЯ. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Филиппов А. Ф.* О понятии "теоретическая социология" // Социол. журнал. 1997. N 1/2. С. 5
2. См. сайт С. Ю. Глазьева www.glazev.ru
3. *Cohen-Huther J.* Sociology between Universalism and Diversity: Some Remarks on the Alexander-Munch debate // *Swiss J. of Sociology.* 1966. V. 22. P. 502 - 503.
4. В обсуждении исторических циклов Сорокин, по формуле Коэн-Хютера, предстает скорее Питиримом, воспитанным в православии. Он прогнозирует становление некоей идеальной гармоничной цивилизации, которая будет совмещать рассудочное и чувственное.
5. *Albrow M.* Introduction // *Globalization, Knowledge and Society* / Ed. by *M. Albrow, E. King.* L.: Sage, 1990.

6. См., например, "Журнал социологии и социальной антропологии" за 1999 г., том II, специальный выпуск, посвященный современной французской социологии (перевод с франц. *La sociologie française contemporaine*).
7. См., напр.: Становление трудовых отношений в постсоветской России / Ред. Дж. Дебарделебен, С. Климова, В. Ядов. М.: Академический проект. 2004.
8. См., например, Кроуз Р. Фирма, рынок, закон. М.: Дело, 1993; Норт Д. Институты и экономический рост: Историческое введение // THESIS. 1991. Т. 1. Вып. 2; North D.C. Institutional Change and Economic History // J. of International and Theoretical Economics. 1998. N 1; Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Эконом, социология. 2001. Т. 2. N 4.
9. Один такой изобретатель "Космической социологической теории" до недавнего времени был и в нашем институте. Я по слабости характера не решался его уволить. Новая администрация избавилась от "гиганта мысли".
10. Здравомыслов А. Г. Проблема преемственности и прерывности в российской социологии // Вестник РГНФ. 2006. N 4. С. 99 - 102.
11. Декан ф-та социологии МГУ В. Добренькое прямо заявил, что "Образование, в особенности гуманитарное, априорно является идеологизированным. Иным оно не бывает. Любая попытка представить его свободным от идеологии - это лицемерие. А плодом т.н. деидеологизации образования является лишь подмена национальной идеологии иными идейными установками - субъективными взглядами авторов курсов, преподавателей, других заинтересованных групп" (См. сайт Православная русская линия. Сводка новостей 22.06.2007).